Благовещение

Благовещение (греч. εὐαγγελισμός, ср. лат. Annuntiatio, «возвещение»), в христианских религиозно-мифологических представлениях начальный момент истории вочеловечения бога, т. е. земной жизни Иисуса Христа.

Согласно евангельскому повествованию (Лук. 1, 26–38), архангел Гавриил, посланный богом к деве Марии в галилейский городок Назарет, где она вела девственную жизнь в доме своего мнимого мужа Иосифа Обручника, сообщает ей, что у неё родится сын Иисус, и это будет мессия и сын божий.

Мария же спрашивает, как исполнение этого обещания совместимо с соблюдением избранного ею девственного образа жизни. Ангел разъясняет, что имеющий родиться младенец будет чудесно зачат по действию духа святого без разрушения девственности матери.

Уяснив, что речь идёт об исполнении воли бога, Мария отвечает смиренным согласием: «да будет мне по слову твоему». В евангельском тексте не сказано прямо, но предполагается, что миг, когда Мария произносит своё согласие, и есть миг девственного (непорочного) зачатия: как при сотворении мира слово бога «да будет» приводило создания к бытию, так её слово «да будет» низводит бога в мир.

В церковной традиции акт послушания, осуществлённый Марией как бы за всё падшее и спасаемое человечество, противопоставляется акту непослушания, составившего суть грехопадения Адама и Евы. Дева Мария как «новая Ева» искупает грех «первой Евы», начиная возвратный путь к утраченной жизни в единении с богом; поэтому Б. есть, как выражено в византийском гимне на соответствующий праздник, «суммирующее предвосхищение» (греч. κεφάλαιον) спасения людей.Иконография Б. восходит к раннехристианской эпохе (возможно, фреска так называемой катакомбы Прискиллы, III в.; мозаика базилики Санта-Мария Маджоре в Риме, V в.).

Место действия намечается вплоть до позднего средневековья весьма абстрактно;

почти всегда это дом Иосифа Обручника (однако апокрифическая версия, восходящая ко II в. и нашедшая отголоски в изобразительном искусстве, расчленяет сцену Б. на две: первая сцена у единственного в Назарете колодца, и лишь вторая, более важная в доме Иосифа). Обстановка обычно изобилует символическими предметами (в православной иконографии мотив ткани, перекинутой от одной башенки к другой, означает достоинство девы Марии, а также, возможно, связь между Ветхим и Новым заветом; в католической иконографии на исходе средневековья и позже белая лилия в руках Гавриила или в кувшине означает непорочную чистоту Марии, сосуд с водой или рукомойник её особую очищенность для её миссии, горящая свеча её духовное горение, яблоко тайну грехопадения, преодолеваемого через Б., и т. д.).

Приход архангела застигает Марию либо за молитвой, либо за чтением священного писания, либо, в согласии с апокрифическим повествованием, за работой над пурпурной тканью для Иерусалимского храма (символ зарождающейся плоти Христа, которая «ткётся» во чреве матери из её крови, как пурпурная пряжа). Византийское искусство акцентировало в изображении Б. церемониальный момент (придворный небесного двора приходит с официальным посланием к царице), искусство позднего западного средневековья куртуазный момент (поклонение вестника непорочности и красоте Дамы).

Строго теологическую интерпретацию Б. дал Беато Анджелико, изображавший его как совместную молитву архангела и Марии и неоднократно противополагавший ему сцену изгнания из рая. Художники нидерландского Возрождения использовали сюжет Б. для передачи целомудренного уюта бюргерского интерьера.С. С. Аверинцев.